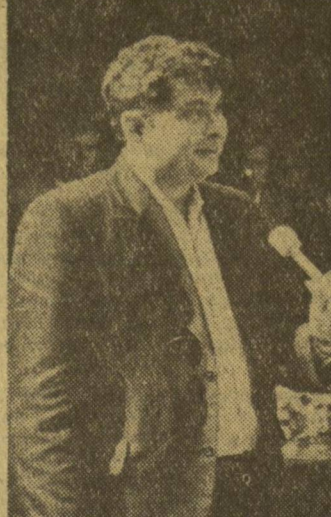
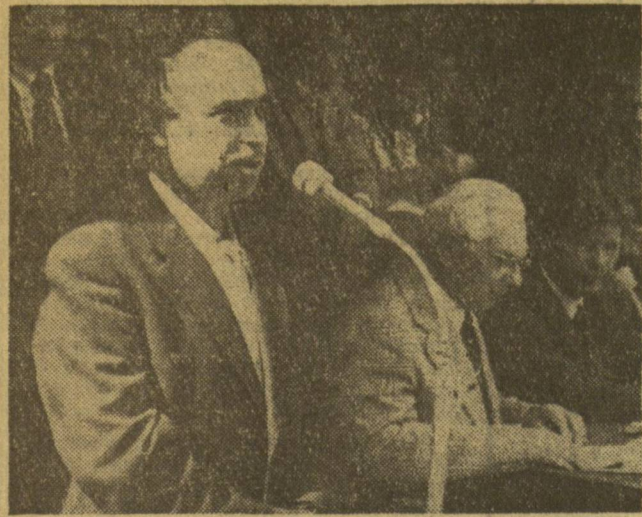

В АЛЛЕЯХ СТАРИННОГО ПАРКА

Праздник в Красном Роге

НОВОСЕЛЬЯ В КОЛХОЗЕ

С каждым годом хорошеют улицы колхоза имени Кирова. На одной из них — новые двухквартирные дома для специалистов сельского хозяйства. Село украшает большая светлая школа. За годы пятилетки справили новоселье медицинские работники, построены квартиры для учителей, новый магазин. Недавно правление колхоза перешло в двухэтажное административное здание, в котором разместились радиоузел, почта, сберегательная касса. В этом году здесь предполагается установить автоматическую телефонную станцию на 50 номеров.

К. СЕНТЮРИНА,
наш общ. корр.
СУЗЕМСКИЙ РАЙОН.

Красный Рог. Сегодня здесь особенно мощно и отчетливо звучит эхо времени, в котором жил наш земляк. Потому что сегодня больше, чем обычно, воспоминаний, мыслей и, конечно, стихов об этом удивительном человеке. Каждый год в первое воскресенье сентября в старинном парке, по аллеям которого когда-то гулял сам Алексей Константинович, многолюдно. Сюда приходят и приезжают люди. Со всех уголков страны. На праздник поэзии. Сейчас весь парк — музей, а пришедшие сюда — внимательные посетители. Вспоминают в каждую деталь, стараются запомнить каждое новое слово о Толстом. А их сегодня услышали немало. Об этом позаботился учитель истории и обществоведения средней школы в Красном Роге П. В. Печурица. Содержательной была его лекция о жизненном и творческом пути А. К. Толстого. Полдень. На парковой эстраде, расположенной рядом с музеем — флигелем великого поэта, начинается поэтический митинг. Его открывает вступительным словом ответственный секретарь областной писательской организации В. К. Соколов. Секретарь Почепского райкома партии Е. И. Финогенов рассказал много интересного о парке-музее Толстого. Сменял друг друга, подходят к микрофону поэты из Киева и Брянска, Чернигова и Гомеля, Тулы и Орла. Звучат стихи на русском, украинском и белорусском языках. Украинский поэт Алексей Долгий рассказал о том, что в издательстве «Ранок», где он работает редактором, любят и преклоняются перед талантом Толстого. Многие украинские литературоведы посещают свои статуи творческому наследию Толстого. От московского издательства «Современник» пришел брянской земле и землякам А. К. Толстого передал его редактор А. Меньков.

Полны тонкой лирики стихи белорусского поэта Владимира Дзюбы, поэтов из Тулы и Орла В. Пахомова и А. Шиллева. Главная тема их небольших стихотворений — непостижимая красота Брянщины, питающая творческое вдохновение своего земляка. На мой вопрос, чем ценна поездка в Красный Рог, черниговский поэт Станислав Репях отвечает: «Пять лет назад я был в Красном Роге на таком же празднике поэзии. За это время многое здесь преобразилось. Сейчас тоньше как-то ощущаешь причастность Толстого к нашему времени. Мы Алексея Константиновича считаем и нашим земляком. Некоторое время он жил в селе Позорельцах на Черниговщине. Впечатления? Их много, а все они новые. Думаю, что после этой поездки будут новые стихи, стихи о Брянщине, о ее великом человеке».

Совсем недалеко от эстрады расположились книжные лавки.

— Нет чего-нибудь Алексея Константиновича?

— В девятый раз проводим мы праздники поэзии, и год от году их посещает все больше людей. Мы, конечно, рады, что интерес к нашему земляку растет повсеместно, — говорит мне только что закончивший лекцию очередной группе туристов П. В. Печурица.

Праздник подходит к концу. Один за другим вырываются на автостраду автобусы. Их пассажиры прильнули к окнам. Пристально всматриваются в места, ставшие их сердцу дорогами.

А. КОСТРЫКИН,
студент БГУ
имени Ленина.

На снимках: выступает украинский поэт А. Долгий (снимок слева); свои стихи читает поэт из Москвы А. Меньков (в центре); собравшихся приветствует белорусский поэт В. Дзюба (снимок справа).
Фото Ап. Лапина.

1943-1975

МАРИЯ КОСТИКОВА

«Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!»
Юлиус ФУЧИК.

Я расскажу историю, полную трагизма и величия. Это история семнадцатилетней комсомолки Марии Костиковой. Мария прожила короткую жизнь. Попав в руки гитлеровских карателей, она перенесла страшные муки и погибла в апреле 1942 года.

Юная патриотка родилась в 1924 году в семье лесника Сергея Борисовича Костикова недалеко от села Журиничи Брянского района. Ее детство прошло в дружной семье, многие годы проживавшей в доме, окруженном густым лесом. Маша любила лес, его поляны, тропы и тропки. Любила лесные цветы и высокие травы, жужжанье пчел и треск кузнечиков, радовалась летним зорям и проливным дождям, ее очаровывали кружевная зима и золотая осень. Она не путалась ни раннего утра, ни позднего вечера, ни крика совы, ни таинственных лесных шорохов, росла спокойной и смелой девочкой.

Школа, в которую ходила Маша вместе с сестрой и младшим братом, находилась в селе, в трех километрах от их лесного домика. Училась девочка прилежно и легко. Много читала, рисовала. Ее мечтой было стать учительницей. После семилетки Мария поступила в Брянский дошкольный техникум. Проучилась в нем два года. Когда началась война, отец ушел на фронт, а Мария по призыву Брянского райкома комсомола вместе с группой сельских парней и девушек стала строить оборонительные рубежи по реке Десне. После тяжелых боев на этих рубежах наши войска отступили. В начале октября в Журиничи вошли немцы. Началась тревожная жизнь: серые, хмурые дни, беспокойные осенние ночи. В домик лесника часто заходили попавшие в окружение и выходившие к своим бойцы и командиры Красной Армии. Мария и ее мать Улита Тихоновна кормили их, давали на дорогу хлеб, картошку, соль. Красноармейцы благодарили и торопливо уходили, стремясь туда, где их товарищи сражались с врагом. Мать благословляла их и тихо плакала.

В это же время в другой стороне леса, в семи километрах от Журиничей, зарождались Брянские городской и районный партизанские отряды.

Как-то в середине дня 14 ноября с целью грабежа в Журиничи въехала грузовая немецкая машина с четырьмя солдатами и одним офицером. Находясь в это время в селе группа партизан разбила машину, подожгла ее, все пятеро гитлеровцев были убиты. Двадцатого ноября из Белых Берегов в Журиничи прибыл отряд карателей. К трем часам дня они сошлись в центр села стариков и женщин и на их глазах расстреляли 23 заложника, среди которых была треть детей. Вторично, ждя за новые удары партизан, каратели налетели на Журиничи утром девятого января 1942 года. Они окружили село, выгнали из хат все население, расстреляли четырех стариков, перебили юров, а село целиком сожгли. После этого злодеяния гитлеровцев в доме лесника стали ютиться 60 женщин и детей.

Как-то поздним вечером в лесной домик зашли комиссар районного партизанского отряда К. С. Тихоненков, разведчики Е. В. Прозоров и С. М. Матюхин. Они долго беседовали с Марией. Через два дня она ушла в разведку в деревню Николаевку, Авдеевку, Бояновичи. Вернувшись, встретилась с партизанами, на два дня ушла к ним. Потом опять появилась дома. Так около двух месяцев Мария то уходила на несколько дней, то возвращалась, потом снова исчезала. Она выполняла разведывательные задания партизан в деревнях Орловской и Калужской областей.

Девятого марта 1942 года на 24-м километре Полпинской железнодорожной ветки городской и районный партизанские отряды полностью разгромили 119-ю особую роту гитлеровцев: убили 231 и взяли в плен 64 солдата и офицера. От места разгрома немцев

домик лесника находился в трех километрах, и Мария поняла, что теперь жди расправы. Попадешься в лапы гитлеровцев — расстреляют.

В темном сосняке в километре от домика Мария вместе с женщинами соорудила полуземлянку, куда с наступлением раннего утра уходили все обитатели их дома. В холодном убежище они терпеливо ждали темноты, чтобы на ночь вернуться домой: Так они жили двадцать пять дней. Утром шестого апреля, когда только начался рассвет и по знакомой тропинке в полуземлянку пришли журиничцы, неожиданно их окружили каратели. Их привели предатели. Грянул огонь из пулеметов и автоматов. Пали женщины и дети, падали матери с грудными младенцами. Добив большинство раненых, гитлеровцы нескольких из них взяли с собой. В руках карателей оказались Мария, ее сестра Евгения, раненная в левую ногу, и трехлетний племянник Володя, мать которого с девятимесячным Толиком осталась лежать в окровавленном снегу.

Семь подвод с гитлеровцами двинулись по заснеженной лесной дороге. Женя лежала на соломе с грубой повязкой на простреленной ноге. Рядом сидели Мария и Володя. Кончился лес, начались поля. Лошади пошли медленнее — дорога была забита снежными наметами. Дул сырой холодный ветер. Каратели сходили с саней, греясь, шли вслед, громко переговаривались, шелкали зажигалками, курили, прикладывались к фляжкам. Володя, прижавшись к Марии, жалобно звал мать. Мальчонке было холодно; он был голоден, измучен, на вспухших, потрескавшихся губах засохли комочки крови.

К вечеру их привезли в село Бояновичи Калужской области и поместили в крестьянской хате. Пожилая женщина возилась у прогоревшей железной печки. Сырые дрова не разгорались, дымили, по углам хаты стоял густой дым. Один из предателей прикрикнул на хозяйку, приказав ей сварить картошки, покормить Марию, Женю и Володю. Поглядев в угол, где лежали пленники, зло сказал:

— Не вздумайте бежать!

Он знал, что бежать они не в состоянии. Рано утром их снова посадили в сани и повезли в Хвастовичи, бывший районным центром. Через несколько часов сани остановились у каменного здания, а затем пленников отвезли в заброшенный дом, окна которого были обтянуты колючей проволокой.

Первый раз Марию допрашивали во дворе этого дома. Ей предложили все сказать о партизанском отряде, тогда ей сохранят жизнь. Обещали, что она может перебраться в любое место оккупированной части России, может уехать на Украину или даже в Германию, где ей будет предоставлена хорошая работа.

Мария твердила одно: никаких партизан она не знает. Тогда ее стали бить. Били умело. Она падала в обморок. Ее обливали водой и бросали под навес на сырую землю. Вечером ее притащили в дом, на полу которого лежали Женя и Вова. Назавтра ее снова выволокли во двор, поставили спиной к плетню и приказали стоять. Она страдала от вчерашних тяжелых ударов по ногам, сил у нее не было, и она опустилась рядом с плетнем на мокрую от талой воды землю. Мария увидела, как из дома вышли два фашиста. Один из них вел за руку Вову. Он подвел его к старой корявой иве, в углу двора. Яркое весеннее солнце осветило измученное личико мальчика. Его когда-то пышные волосы теперь походили на скрученные и грязные нити льняного волокна. Он увидел Марию. Ее большие глаза были полны слез, которые крупными каплями сползали по худым щекам.

— Предупреждаем в последний раз: не расскажешь о партизанах, он будет расстрелян, — сказал тот самый предатель, которых заходил вчера.

Мария чувствовала, как силы покидают ее, но она вся собралась и молчала. Прошла минута.

— Будешь говорить?

Она приоткрыла глаза. Вова медленно приближался к ней.

Мария молчала. И тогда немец рванул мальчика к себе, потом бросил его к забору. Грянул выстрел...

Назавтра каратели снова стали добиваться от Марии сведений о партизанах. Ее опять били, но она по-прежнему молчала. Тогда перед вечером фашисты вытащили из дома раненую Женю и, повторив вчерашнее, на глазах совсем измученной Марии расстреляли ее.

Года за два до войны в Журиничи вместе с отцом и матерью переехала красивая учительница Надежда Константиновна Костыренко. Неподалеку, в поселке Бежань, в начальной школе работал Федор Прозоров. У молодых людей возникла дружба. Они полюбили друг друга и в мае 1941 года справили свадьбу. В октябре Федор вступил в партизаны и стал пулеметчиком. Его жена скрывалась от фашистов в одном из поселков. Каратели узнали об этом, захватили ее и привезли в отделение гестапо в Хвастовичах. Надежда Константиновна готовилась стать матерью, но, несмотря на это, ее жестоко пытали, требуя, как и от Марии, сведений о партизанах. Под глазами Надежды Константиновны изверги сделали две большие рваные раны и в таком виде привели ее к Марии. Они знали, что Костикова и учительница хорошо знакомы. Каратели тут же во дворе на сук ивы перекинули веревку. Под петлю они подвели Надежду Константиновну.

— От признания этой, — гитлеровцы указали на Марию, — зависит жизнь твоего будущего ребенка, твоя жизнь и жизнь ее самой. На размышление — полчаса.

Прошло тридцать минут. Мария и Надежда Константиновна в слезах, обнявшись, сидели на земле.

— Ну как? Одумались?

Обе патриотки молчали. Тогда фашисты повесили Надежду Константиновну. Через несколько минут — и Марию.

Осенью 1943 года, уже после освобождения Брянщины от фашистских захватчиков, и позднее, в мае 1945 года, после нашей Великой Победы, я обошел все места, связанные с жизнью и гибелью этих людей. Многие рассказывали мне о том, что написана здесь, показывали места, где пытали Марию, указали и место ее героической гибели. И только никто не знает, где ее могила. Но память людская — вечный ей памятник.

Г. ЮДИЧЕВ,
бывший секретарь Брянского
подпольного райкома
комсомола.